

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

пили пятый день, пили тяжело, свинцово, пили, словно вгрызались, напряжённо, безостановочно, опорожнённые стаканы не то что мгновенно наполнялись, казалось, они вовсе не пустели, только мутнело захватанное стекло, да жидкость меняла цвет, прозрачная становилась белёсой, янтарной, даже зеленоватой, и снова прозрачной, тостов не произносили, в первый день кто-то попытался поднять стакан за дольского и его гостеприимство, но прервался на полуслове, запрокинул голову и стал жадно пить, давясь и всхлипывая, из угла рта стекала струйка, убегала под свитер, он не замечал, пил, мучительно двигая кадыком, словно не жидкость, а куски непрожёванные глотал, потом сел, поставил пустой стакан и тут же схватился за полный, была там и какая-то еда, вроде бы салаты, вроде бы копчёное мясо, вроде бы сыр, банки с непристойно раздутыми солёными огурцами и помидорами нездорового сизоватого цвета, блюда с серой квашеной капустой, вскрытые жестянки со шпротами, сардинами, кильками, хлеб лежал, как в заводской столовой, горкой, вперемешку белый и чёрный, нарезанный на казённый манер, вдоль, масла не было, не было икры, миног, угрей, не было горячих закусок, ни милых дольскому грибных и куриных жульенов, ни фаршированных баклажанов, ни запечённого паштета, зато к третьему дню, когда кончилось копчёное мясо, откуда-то взялась ливерная колбаса, надранная безобразными неровными кусками, кастрюля необлупленных варёных яиц и огромный торт с оплывающей кремовой надписью с днём ангела, еду никто не приносил и не подавал, она сама появлялась на столе и сама исчезала, все

пили, не прерываясь ни на разговоры, ни на бутерброды, пили из своих стаканов и из соседских, потом опять из своих, пили угрюмо, старательно, будто идя к цели, но на второй день начали веселеть, разговаривать, курить, вставать из-за стола, ходить в уборную, разбредаться по комнатам, комнат было много, дольский насчитал восемь и сбился, в каждой стояли кровати, диваны, кушетки, уже застеленные несвежим, кое-где откровенно засаленным бельём, на них валялись одетыми и в обуви, ничком или навзничь, поодиночке, вдвоём, втроём, вдоль, поперёк, мужчины и женщины, одни прямо со стаканами и с непогашенными сигаретами, другие тушили окурки в стаканах, а стаканы оставляли на столах, на подоконниках, на полу, валялись и засыпали тяжёлым пьяным сном, проснувшись, вставали и продолжали ходить по комнатам и разговаривать, и пить, и курить, на третий день начали появляться новые гости, приходили с мороза, уже подвыпившие, кричали, а мы тут к дольскому решили зайти, у дольского всегда есть чем догнаться, шли к столам, не снимая курток и дублёнок, сдвигая на затылок ондатровые и пыжиковые шапки, подхватывали, гомоня, замусленные стаканы, стаканов хватало на всех, дольский хотел удивиться, до прихода новых гостей он не видел лишних стаканов, но выпил белесоватой жидкости, передёрнулся от гадкого дрожжевого привкуса и удивиться забыл, на четвёртый день начали играть в карты, в дурака, в очко, в три листика, в угловой комнате, дольский почему-то решил, что она угловая, хотя объяснить, почему он так решил, он не мог, в клубах дыма расписывали пулю, стаканы по-прежнему не пустели, но их стало меньше, и людей стало меньше, то и дело хлопала дверь, кто-то уходил, не прощаясь, дольский иногда видел в окно, как от дома удаляется, пошатываясь, фигура в распахнутом пальто и криво надетой шапке, а иногда не видел, на пятый день к вечеру ему показалось,

что ещё чуть-чуть и всё, ещё чуть-чуть и всё, сказал он, давайте по последней, ну, дольский, крикнули из угловой комнаты, ты что, нас гонишь, что ли, по последней и всё, истошно завопили у его локтя, и дольский болезненно сморщился, гостья в шуршащем синем платье, горячечно блестя глазами, повторяла, по последней и всё, по последней и всё, она единственная почти совсем не пила и совсем не спала, в первый же день она нашла маленький кожаный диванчик в странном закутке между прихожей и кухней, пыхтя и постанывая от напряжения, дотащила до закутка вешалку с куртками, шубами и дублёнками, полностью замаскировав вход, потом пробралась к диванчику и разложила на нём свои подарки дольскому, баночку икры, белую булку, пачку масла, бутылочку французского коньяка, она жила одна и зарабатывала немного, но купила всё самое лучшее, даже булка, даже масло были из дорогого магазина в фирменных пакетиках, ещё она сделала и принесла салат из языка в баночке, но тихонечко его съела, проголодалась за пять дней, а брать с общего стола не хотелось, она собиралась досидеть до конца, а потом, когда все уйдут, увлечь дольского в закуток, пусть дольский будет пьяный, пусть усталый, пусть запнётся о порожек, не удержится на ногах, взмахнёт руками, рухнет на диванчик и уснёт, она будет сидеть рядом с ним, положив его голову себе на колени, и гладить его по волосам, а когда он проснётся, даст ему коньяка и бутербродов с икрой, и может быть что-то будет, она пять дней не спала, караулила дольского, дольский вставал из-за стола, подходил к окнам, несколько раз проходил мимо вешалки, загораживающей вход в закуток, будто вот-вот зайдёт, но тут же из комнат кричали дольский, где дольский, дольский, идём выпьем, и гостья в синем платье корчилась на своём диванчике, бессильно сжимая и разжимая кулачки, и вот, кажется, дольский сам понял, что так нельзя, что пора всех гнать, потому что в

закутке его ждёт она с коньяком и бутербродами с икрой, и она должна ему помочь, она вытерла кулачками воспалённые, слезящиеся от бодрствования глаза, выбралась, расталкивая шубы, из закутка и понеслась по комнатам, где ещё спали, играли и пили, с криком по последней, да-вайте, по последней, и от её пронзительного голоса прекращалась игра, просыпались спящие, а пившие торопились допить до конца, и на этот раз стаканы пустели с невероятной, пугающей быстротой, а потом все потянулись к выходу, снимая на ходу с вешалки свои пальто и куртки и долго прощаясь с дольским в прихожей, а когда все вышли, и оголилась вешалка и вход в закуток, гостья в синем платье подошла к дольскому и застенчиво взяла его за руку, но дольский посмотрел на неё удивлённо и сказал, куда, уходим же, все уходим, ну, быстро-быстро, где твоё пальто, или что у тебя, шуба, и взяв её за локоть, потащил к двери, нет, закричала она, всё должно быть не так, мы должны идти туда, у меня там, пусти, ну что ты, что ты, бормотал дольский, ты просто выпила, все мы выпили, ну, он нахлобучил ей на голову чью-то лисью шапку, огромную, как стог, это не моя, рыдала, отбиваясь, гостья, не моя, пусти, это неважно, говорил дольский, выталкивая её из квартиры и запирая дверь, неважно, уходим, уходим, и побежал, не дожидаясь её, по лестнице, и она побежала за ним, хотя и не успела ещё надеть пальто, и один рукав болтался пустой, на улице топтались серые, опухшие, помятые, зловонные, как мусорные пакеты, ну что, по домам, бодро сказал дольский, он один был розовый и довольный, а разве это мы не у тебя, спросил кто-то и икнул, да нет, сказал дольский, я понятия не имею, где это мы были, а гостья в синем платье рыдала, сотрясаясь всем телом, потому что всё должно было быть не так, и было страшно жаль оставленной в закутке булки, и масла, и баночки икры, особенно баночки икры.

ЦВЕТОК

...к понедельнику похолодало и расцвёл, наконец, цветок, дольский уже и не ждал, цветок был роскошный, куда лучше, чем дольский себе представлял, поменьше, правда, чем на картинках, но значительно ярче, тугой, блестящий, будто кожаный плащ цвета спелой сливы, когда-то дольский достал себе такой и носил лет десять, пока его не украли в баре, дольский долго его искал, даже сходил в милицию и написал заявление, но там сказали вряд ли, попрощайтесь, сказали, со своим плащом, дольский и попрощался, обычно он не привязывался к вещам, но по кожаному плащу скучал, и теперь плащ вернулся к нему в цветочном горшке, лежал там, аккуратно свёрнутый, из складок выглядывал сливочный столбик пестика, тоже тугой и плотный, словно естество неведомого бога, дольский потянулся потрогать, но застеснялся и убрал руку в карман, к тому же пахло от пестика отвратительно, одновременно остро, сладко и гнилостно, и ещё будто бы мокрой землёй, дольскому захотелось открыть окно, чтобы проветрить, но на улице было холодно и шёл дождь, а цветок не любил холода, дольский узнал об этом от человека, оставившего ему цветок, это южный цветок, сказал человек, нежный, холода не любит, дольский понял это так, что если открыть окно, цветок простудится, не поможет даже лиловый кожаный плащ, и потому окна открывать не стал, а просто сидел, дыша через рот, и смотрел на блестящее лиловое и матовое сливочное, пока у него не закружилась голова, и он не вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

человек, оставивший дольскому цветок, сказал, что цветёт он день, максимум два, а потом вянет и засыхает, но прошла уже неделя, а цветок всё цвёл и не думал вянуть, наоборот, наливался силами или, может быть, соками, на его кожаном плаще расправились все складочки, он больше не лежал свёрнутым, а будто бы обтягивал округлое сытенное тело, а сливочное естество неведомого бога торчало теперь вверх почти угрожающе и вроде бы нетерпеливо подрагивало. на третий день дольский переехал спать в гостиную на диван, чтобы не дышать цветком, а на седьмой во входную дверь позвонили и постучали, санэпидконтроль, сказал тучный бородач в строгой чёрной тройке, похожий на оперного певца, и помахал перед лицом дольского малиновыми корочками, у нас сигнал, дольский посторонился, пропуская оперного бородача в прихожую, за бородачом как бы сами собой в квартиру втянулись две женщины неопределённо-зрелых лет, одна была в платочке и походила на богомолочку, у другой была сложная причёска, коса не коса, пучок не пучок, дольскому было не до неё, в последние дни его почти всё время мутило и хотелось прилечь, бородач принялся и покивал, вначале самому себе, потом женщинам, слава богу, сказала женщина в платочке, слава богу, а женщина со сложной причёской тоненько взвизгнула, вы позволите, спросил бородач и, не дожидаясь ответа дольского, пошёл к комнате, женщины потянулись за ним, не украли бы чего подумал дольский, но тут его замутило сильнее прежнего, а ноги почему-то ослабли и задрожали, пожалуйста-пожалуйста, сдавленно пробормотал он и, держась за стену, поплёлся в гостиную к дивану, полежу немного и встану, подумал он, и тут же уснул, а проснулся оттого, что кто-то присел к нему на диван, осторожно сдвинув его ноги, чтобы освободить себе место, дольский открыл глаза, в ногах у него сидел

давешний бородач и смотрел на него сочувственно, в руках у бородача была кружка, над кружкой поднимался пар. это бульон, сказал бородач и протянул дольскому кружку, вы должны выпить бульона, вы, кажется, совсем не кушаете. какое там, сказал дольский, в этакой вони, ничего, сказал бородач, ничего-ничего, выпейте бульону. дольский послушался и выпил. бульон был горячий и крепкий. дольского снова потянуло в сон. вот и славно, сказал бородач, вот и славно, вы поспите, а мы обо всём позаботимся, дольский ещё почувствовал, как бородач укрывает его одеялом и пледом поверх одеяла, хотел поблагодарить, но не сумел, потому что уже спал, и ему снилось, что бородач с женщинами сидят полукругом на стульях и поют на три голоса что-то строгое и торжественное, а женщина в платочке то и дело прерывается и говорит слава богу, слава богу.

ТОВАРИЩИ ДОЛЬСКИЙ И ДЕРЕЗА

...накануне позвонили из министерства, связь барахлила, в трубке скворчало и потрескивало, но переира понял, что к ним едут товарищи дольский и дереза, надо принять по первому разряду, будет сделано, сказал он и велел секретарше неле позвать фонсеку. нела выглянула в окно и завопила фонсека, о, фонсека, провалился ты, что ли, сама провались, откликнулся фонсека откуда-то издалека, иди сюда, взвизгнула нела, товарищ переира зовёт, иду, крикнул фонсека, и действительно пришёл, волоча за собою небольшую упирающуюся дворняжку, вот, сказал он неле, на охоту собрались с кумом аждрубалом, это, что ли, твой кум, хихикнула нела, кивнув на дворняжку, сама ты, сказал фонсека и выразился, но-но, сказала нела, я тебе по-выражаюсь, и замахнулась на фонсеку папкой с бумагами, дворняжка залаяла, в приёмную выглянул переира, о, фонсека, обрадовался он, заходи, мы вот, сказал фонсека, на охоту собрались с кумом аждрубалом, потом, всё потом, сказал переира, вначале встретим товарища дольского и товарища дерезу, нела, мейрелеса ко мне, магальяенса, феррейру, рибейру, всех, кого найдёшь, времени у нас мало. у меня обед, сказала нела, потом пообедаешь, сухо сказал переира, не похудеешь, нела обиделась, уселась за стол, отвернулась от переиры и шумно зашмыгала носом, ну ладно, ладно, сказал переира, подошёл и примирительно похлопал её по круглому плечу, ну, извини, извини, сама же понимаешь, какое важное дело доверили нам товарищи из министерства, надо принять товарищей дольского и дерезу. нела для порядка ещё пошмыгала, но уже кивала головой, конечно, конечно, чего ж

тут не понять, дело важное, дело непростое, нечасто к нам заезжают товарищи дольский и дреза...

...к нам едут товарищи дольский и дреза, сказал переира, фонсека, какие будут предложения, а давайте их на охоту, сказал фонсека, почёсывая за ухом небольшую дворняжку, мы с кумом аждрубалом как раз собрались вепря бить, товарищам из министерства должно понравиться, не на охоту, сказал мейрелес, а на рыбалку, форель в реке играет, просто играет, не на рыбалку, сказал магальяенс, а на корриду, такие бычки подросли, чудо, а не бычки, он сложил пальцы в щепоть и шумно их поцеловал, товарищи у себя в министерстве таких бычков и не нюхали, товарищ дольский не любит корриды, сказал переира, я у него в прошлый раз спрашивал, может, товарищ дреза любит, возразил магальяенс, на охоту, сказал фонсека и хлопнул рукой по столу, небольшая дворняжка залаяла, и фонсека хлопнул по столу ещё раз, чтобы её угомонить, кто за охоту, голосуй, дурак ты, фонсека, сказал мейрелес, а если вепрь товарищей поранит, кто будет виноват, лучше на рыбалку, форель в реке играет, вы не поверите, товарищи, я сегодня шёл через старый мостик, он сгнил, рывкнул магальяенс, старый мостик сгнил, вот упадут товарищи из министерства в реку, ты, что ли, отвечать будешь, на охоту, закричал фонсека, на охоту! на рыбалку, сказал мейрелес, мы извиняемся, товарищи, сказали феррейра и рибейру, может, просто устроим товарищам из министерства пикник, покатаем их на лодке по заливу, высадимся, где песок, костерок разложим, мейрелес пусть наловит своей форели, мы её в золе испечём, нет, мы пожарим вепрятины, злобно проворчал фонсека, или вепрятины, согласились феррейра и рибейру, барышень позовём, лину, тину, марию дас дорес, в приёмной недовольно кашлянула нела, нелу тоже, осторожно сказали

феррейра и рибейру и покосились на перейру, товарищи из министерства искупаются, покушают, культурно отдох... послышался звук отодвигаемого нелиного стула, простучали нелины каблуки, а если это баба, сказал нелин голос от дверей, кто тебе баба, строго спросил перейра, да этот ваш, дереза, сказала нела, входя в кабинет, что товарищ дольский мужчина, мы знаем, а мы знаем? спросил фонсека ехидно, мы – знаем, сказала нела значительно, а перейра насупился и промолчал, а кто такой товарищ дереза, продолжила нела, не знает никто, вдруг это баба, а вы ей лину, тину, и марию дас дорес, так, сказал перейра, выйдь из кабинета и не мешай совещанию...

...министерская машина пришла поздно вечером, почти ночью, но никто не спал, всем было интересно посмотреть на товарища дерезу. машина остановилась, распахнулась дверь, и с заднего сиденья выбрался дольский, такой же, как в прошлый раз, только седины в бородке чуть-чуть прибавилось, ну, сказал дольский, заждались? заждались, товарищ дольский, сказал перейра и пожал дольскому руку, второй день только и разговоров, что про ваш приезд, это хорошо, сказал дольский, это приятно, педро, позвал он водителя, доставай саквояж, к перейре подошла завитая и надушенная нела и потянула перейру за пиджак, дереза, сказала она почти неслышно, спроси про дерезу, отстань, дёрнул плечом перейра, сам знаю, ааа, нела, шумно обрадовался дольский, ты всё хорошеешь, и потянулся нелу поцеловать, а где же, почтительно спросил перейра, отодвигая нелу, где же товарищ дереза, он разве не с вами? дольский вздохнул и развел руками, увы, сказал он, пока я один, товарищ дереза придет позже, а вам что же, одного меня недостаточно, достаточно, достаточно, загомонила нела, нела, сказал перейра и решительно взял у педро дольский саквояж, товарищ

дольский устал и хочет отдохнуть, я провожу товарища в гостиницу...

...в гостинице дольский плюхнулся ничком поперёк кровати, он любил плюхаться поперёк кровати, и рукой искал под матрасом, там, в условленном месте, его ждала записка, дольский вытащил и прочёл, вода пальцем по кривоватым строчкам, приехать не получится, догоню тебя по дороге или ты меня догони, форель кушай, вкусная, вопреки жарь подольше, вдруг в ней паразиты или ещё что, переиру не обижай, ты уедешь, а ему жить, обрати внимание на марию дас дорес, до скорого свидания, с дружеским приветом, т. дереза...

ЗАГОВОР ПРОТИВ УЖАЛЕНИЯ КОЗЮЛЬКОЙ

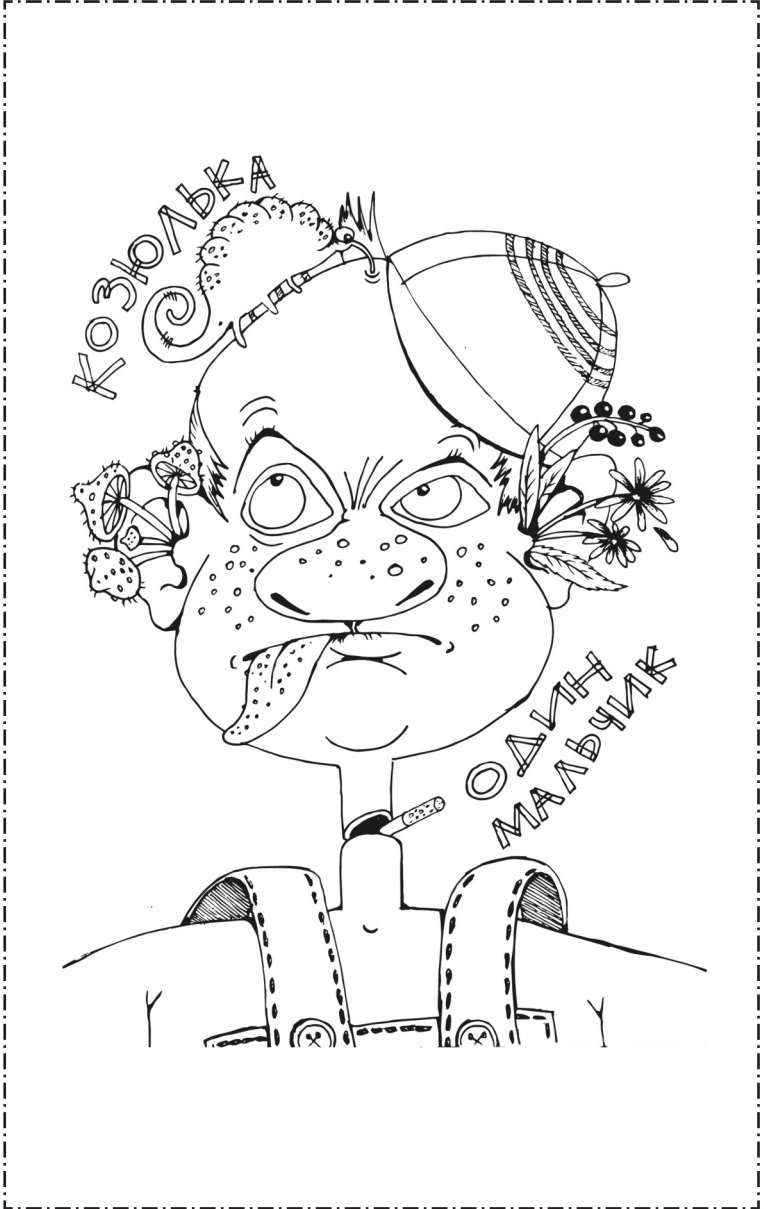
...один мальчик пошёл без спросу в лес и там был ужален козюлькою, его тело со следами ужаления нашли на следующую день грибники и отвезли в городской морг, об этом дольскому рассказала утром няня домна фёдоровна, когда дольский зашнуровывал башмак, правый или левый, спросил фонсека, правый, сказал дольский и вытянул правую ногу в синем башмаке, врешь, сказал фонсека, мамой клянусь, сказал дольский и немного повертел правой ногой, фонсека, дурак, отстань от него, сказал мейрелес, а то что, спросил фонсека, увидишь, сказал мейрелес, ну, хватит, сказал переира, потом подерётесь, давай дальше, дольский, ну, и вот, сказал дольский, что и вот, спросил переира, и всё, сказал дольский. мы помолчали. а может тогда домна врёт, с надеждой сказал фонсека, какие в мае грибники, ну, не грибники, сказал дольский, ну, ягодники. или цветочки. так грибники или ягодники, въедливо спросил фонсека, тебе не всё равно, спросил мейрелес, мне нет, сказал фонсека, а тебе, ну, хватит, потом подерётесь, сказал переира, дольский, что тебе сказала домна, грибники или ягодники, я не помню, сказал дольский, я зашнуровывал башмак. мы опять немного помолчали, глядя на башмак дольского. а домна точно знает, спросил переира, может, она перепутала, говорит, что точно, сказал дольский, говорит, уже все знают, и на рынке, и везде. чёрт, сказал переира. чёрт, чёрт, чёрт.

это была ужасная новость, просто ужасная. никто из нас не был лично знаком с одним мальчиком, но мы всё про

него знали, и чувствовали, что он наш, один из нас, такой же, как мы. он так же, как мы, выбрасывал за окно шпинат и творог и прятал за обедом свою варёную рыбу в тарелке у младшей сестры, он выливал в мойку хлористый кальций, дразнил соседскую цепную собаку, переходил дорогу в неположенном месте, прогуливал уроки, разговаривал с незнакомыми и даже садился к ним в машину, лазал на крышу, ел снег, убежал без спросу на станцию и один раз сам уехал в лиссабон, он дерзил взрослым, корчил рожи пастору в воскресной школе, ел варенье ложками прямо из банки и воровал у отца сигареты, в общем, был таким же грешником, как и мы, только на наши прегрешения господь покуда смотрел сквозь пальцы, а с одного мальчика спрашивал сразу и воздавал ему полной мерой. прошлой зимою, съев одну малюсенькую сосульку, один мальчик заболел злой ангиной и три недели не гулял и даже не вставал с постели, потом у него страшно распухли нос и уши оттого, что он не пил хлористого кальция, когда зацвели злаковые, и к нему пришлось прикладывать пиявок, целых семь штук, по две на ухо и три на нос, украденной у отца сигаретой он просто подавился, и ему разрезали горло, чтобы её достать, в лиссабоне его спутали со знаменитым бандитом, арестовали и неделю продержали в тюрьме, а незнакомец в машине оказался цыганом с мешком и почти украл его, чтобы продать на органы, об этом даже писали в газетах, мы сами не видели, но няня домна фёдоровна целую неделю рассказывала об этом дольскому, а дольский пересказывал нам. мы не были трусами, даже мейрелес не был, но каждому из нас с лихвой хватило бы пиявок к ушам и отцовской сигареты, чтобы понять намёк и стать паиньками. если бы нас хоть раз сбила машина в неположенном месте, мы потом всегда бы переходили дорогу только на переходе и только на зелёный свет, а один раз попавшись сорвавшейся с цепи

соседской собаке, ни за что больше не стали бы её дразнить, но один мальчик не желал ничего знать о причинах и следствиях и продолжал отважно нарушать правила, а ведь он был совсем слабый оттого, что не ел мяса, свёклы и красных фруктов, и к тому же перестал расти ещё в пелёнках, потому что с рождения решительно отказывался от рисовой каши и молока с пенками, и вот вчера он без спросу пошёл в лес и теперь лежал мёртвый в морге со следами ужаления козюлькой, а мы сидели в комнате дольского и смотрели на его правый синий башмак.

ну, что, попопдничаем и в лес, нерешительно спросил дольский, лучше в морг, сказал фонсека, хоть попрощаемся, так тебя и пустили в морг, сказал дольский, так тебя и пустили в лес, сказал фонсека, а я без спросу, сказал дольский, врёшь, сказал фонсека, отстань от него, сказал мейрелес, тебя не спросил, сказал фонсека, ну, хватит, потом подерётесь, сказал переира, что вы тут в темноте расселись и сговариваетесь, спросила няня домна фёдоровна, входя в комнату с подносом и щёлкая выключателем, заговоры, что ли, плетёте, смотрите, доплетётесь, вот один мальчик тоже всё плёл заговоры... это какой такой мальчик, воинственно спросил фонсека, если которого козюлька ужалила, то грешно говорить плохо про мёртвых, умный ты очень, сказала няня домна фёдоровна и поставила поднос на стол, тот мальчик тоже был очень умный, всё воображал из себя, пока не довоображался, вы кушайте булочки, а к ужину я пирог спеку. няня домна фёдоровна вышла, и в комнате стало тихо и очень холодно, будто она открыла окно, она не открывала, сказал шёпотом дольский, она только свет включила, без тебя знаю, тихо ответил фонсека, ну, хватит, махнул рукой переира, а мейрелес взял с подноса булочку и вдруг заплакал, но не потому что испугался, а просто так...

ПИЖАМА

...уборщицы получали жалованье пятнадцатого числа каждого месяца, и уже с утра девочки из соседних отделов начинали дразнить дольского. ну, что, михаил аскольдович, спрашивала блондинка соня из сорочек, была уже ваша? что-то не было ещё, я прям беспокоюсь, не заболела ли, отвечала брюнетка саня из аксессуаров и ложилась полной грудью на прилавок. грудь зазывно круглилась, и покупатели, оставя сорочки, тянулись в отдел аксессуаров. санька, прекрати, кричала соня, не порть мне показатели, я что, нарочно, с деланным возмущением говорила саня, и дольский потихоньку уходил вглубь отдела, надеясь, что его не придёт, не может же она приходить каждое пятнадцатое, должна же и пропустить разок, заболеть или уйти в отпуск. но его не брала ни отпусков, ни больничных, и появлялась, неизбежная, как само пятнадцатое. свой серый халат и резиновые закрытые шлёпанцы, похожие на галоши без задника, она оставляла где-то в подсобке, вместе с ведром и шваброй, и приходила в синем поношенном платье, синей шляпочке с вуалеткой поверх жидковатого пучка пегих волос, и лаковых башмаках с бархатными синими бантиками. эти бантики и вуалетка страшно смешили соню и саню и мучительно раздражали дольского, но он ничего не говорил, он вообще старался поменьше со своей разговаривать, здравствуйте, дона мария тимотео, как поживаете, как вашему брату понравился костюм, ну, я рад, я рад, и всё, и хватит с неё. дона мария тимотео отвечала подробно, старательно, соня и саня подмигивали друг другу, покупатели копались в сорочках и аксессуарах, а дольский думал,

хорошо бы сегодня ей был нужен галстук или перчатки, их не надо мерить. но дона мария тимотео говорила тихонько, простите, михаил аскольдович, не могли бы вы, и протягивала ему пиджак или стопку спортивных маек, или шёлковую пижаму, и дольский думал, что в следующее пятнадцатое он возьмёт выходной, потому что так нельзя. простите, михаил аскольдович, шептала дона мария тимотео, мне так неловко вас беспокоить, но, вы же понимаете, единственный брат... у доны марии тимотео где-то за границей был младший брат, ростом и сложением точь-в-точь михаил аскольдович дольский, и покупая брату с каждого жалованья подарок, дона мария тимотео всякий раз боялась ошибиться с размером. дольский надел шёлковую синюю с золотом пижаму и вышел из примерочной, соня и саня хором взвизгнули и схватились за телефоны фотографировать. дона мария тимотео прижала к груди сухие кулачки. ах, как прекрасно, сказала она не своим, грудным голосом, как вам к лицу. дольский вернулся в примерочную и подумал, что, пожалуй, купит и себе такую пижаму. может, даже сегодня, только попозже, когда соня и саня выйдут на перерыв. забирая сложенную пижаму, дона мария тимотео схватила дольского за руку. пожалуйста, сказала она, пожалуйста, михаил аскольдович, вы мне всегда так помогаете, пожалуйста, выберите что-нибудь для себя, мне так хочется сделать вам подарок. хотите такую же пижаму? пожалуйста! дона.мария.тимотео, проскрежетал дольский. и больше ничего не сказал, только подбородком указал на кассу, развернулся и снова ушёл вглубь отдела. дона мария тимотео достала из кармана синего платья крошечный носовой платочек и промокнула глаза. соня и саня были заняты с покупателями и ничего не заметили.

у себя в подсобке дона мария тимотео вынула свёрток с пижамой из сумки, осторожно, стараясь не порвать золотистую ленточку, развязала его, достала пижамную куртку, развернула и понюхала. от куртки едва ощутимо пахло михаилом аскольдовичем. дона мария тимотео сто-нуще вздохнула и зарылась в куртку лицом...

А О Н А
М А Р И Я
Т И М О Т Е О

П И Ж А М А

ЖЕНА ТОВАРИЩА ДЕРЕЗЫ

10.06

...позвонили из больницы, спросили – вы жена товарища дерезы, оказывается, он у них лежит со вчерашнего вечера, в шесть часов привезли по скорой в бессознательном состоянии и без документов, сегодня он пришёл в себя и дал мой телефон, а я-то утром подумала, надо же, подумала, дереза приснился, впервые за столько лет, к чему бы это. отвела милку соседке, соседка мне тоже своих иногда оставляет, и мне удобно, и ей. думала взять такси, но это семь евро, если вызывать на дом, поехала в метро, по дороге зашла на рынок купила на эти деньги персиков и абрикосов, им сейчас сезон, они дешёвые и вкусные, особенно персики, у абрикосов в этом году весь вкус в красоту ушёл.

в больнице сразу пустили, дереза лежит в общей палате, но народу немного, всего три человека, и ещё три кровати пустые. дерезу положили у окна, это хорошо, он любит у окна. лежит поверх одеяла в казённой распашонке с завязочками вокруг шеи, пепельно-серый, на себя непохожий, но меня увидел и сразу, сигарет принесла? а то они мне тут курить не дают. я даже отвечать не стала, пошла в туалет, вымыла под краном персики и абрикосы, принесла обратно, положила дерезе на тумбочку. а он, ну, не дуйся, я рад тебя видеть, правда, рад. я смотрю, улыбается, и лицо стало не такое пепельное, может, и впрямь рад. соседи по палате у него тихие, дольский, похож на профессора, седой такой, представительный, с бородкой

и в очках. лежит, читает, и тоже почему-то поверх одеяла, только не в распашонке, а в чёрном шёлковом халате в драконах, изумительный халат, как я себе такой когда-то хотела, но не довелось купить, то денег не было, то халата было не достать, а потом мы с дерезой разошлись, и стало незачем, я теперь дома в спортивных штанах хожу и в кофте, всё равно милка всё время об меня трётся, а она линяет, халат было б жалко, а штанам ничего, спортивные штаны в белой шерсти это даже уютно. второй сосед, фонсека, единственный лежал под одеялом, как положено, только накрылся с головой, я даже встревожилась, не задохнулся бы, не беспокойтесь, пожалуйста, сказал дольский, он всегда так спит, это ничего.

заглянул доктор, накричал на меня, почему на тумбочке персики и абрикосы, если вы хотите, сказал, для своего мужа мучительной смерти, пожалуйста, носите ему персики, носите, ещё апельсины можете принести, или сразу сигареты и вино, чтоб он вернее загнулся, так и сказал, загнулся, я не знала, куда глаза девать, я же не знала, что нельзя фруктов, раньше в больницу всегда фрукты носили. спросила доктора, что дерезе можно, слизистые каши, сказал доктор. слизистые каши! и пальцем погрозил. дереза с дольским хихикали, как шестиклассники, а фонсека даже не проснулся.

дереза дал мне свои ключи, попросил принести ему какой-нибудь одежды, ему, видите ли, неловко в распашонке, и голый зад мёрзнет. поеду завтра, сегодня мне ещё милку выгуливать. потерпит дереза ещё одну ночь с голым задом...

11.06, обед

...утром прямо с милкой пошла к дерезе за одеждой. боже мой, в какой нищете, в каком убожестве он живёт! продавленный диван, вместо одной ножки большой испано-португальский словарь, стол завален какими-то кульками, скомканными газетами, пепельницы не видать под горой окурков, в одном месте стол чуть-чуть расчищен, и там стоит коробка сардин в остром масле. сардин, боже мой! когда ещё врачи запретили ему прикасаться к сардинам, мы ещё вместе жили. бедная милка, как вошла, расчихалась и никак не могла остановиться, пришлось открыть для неё балкон. весь балкон заставлен бутылками. пивными, винными, водочными, кажется, даже молочными, интересно, где дереза их взял, я уж и не помню, когда последний раз видела молоко в бутылках, лет тридцать пять назад, не меньше. велела милке сидеть и не двигаться, вернулась в комнату, поискала в шкафу, нашла какую-то пижаму в полоску, страшно грязную, всю в масляных пятнах. решила, что не повезу никуда эту дрянь. по дороге в больницу заеду в магазин, куплю дерезе приличную пижаму. может, тоже шёлковую в драконах, как халат у дольского. пусть это будет форма их палаты. милка, когда поняла, что мы уходим, завизжала от восторга и стала кидаться ко мне на грудь. бедное создание, никогда больше не поведу её к дерезе...

11.06, вечер

...ездила в больницу, отвезла дерезе пижаму, он её тут же надел. как они с дольским хохотали! дереза даже икать стал, пришлось бегать к медсестрам за водой. я себя отругала, могла бы подумать и привезти ему несколько бутылок воды. это доктор меня сбил своим криком. слизистые

каши, слизистые каши. дереза сегодня очень бодр, ещё бледноват, но уже совсем не пепельный, встаёт, гуляет по коридору, рассказывает медсёстрам разные истории из своей жизни. медсёстры его обожают. ну, естественно, его все обожают, когда он весел, а попробовали бы они с ним, когда он месяцами лежит на диване и только пьёт, пьёт, пьёт, и цедит что-то ненавидящим голосом... нет уж, лучше жить с милкой, милка тоже обаятельная, почти как дереза, и любит меня, а когда её кто-то гладит, она на меня косит, не против ли я. дереза, тот не косил...

13.06

...сегодня, наконец, увидела фонсеку! я пришла, дольский и дереза, как всегда, лежали поверх одеял и играли в шахматы по памяти, без доски, а фонсека опять с головой укутался в одеяло. дольский сказал, слон на эф семь, и тут вдруг раздался такой страшный вой, что я взвизгнула, подумала, умирает кто-то. а это фонсека проснулся и зевнул, он, оказывается, всегда так зевает, дереза с дольским уже привыкли, а меня не предупредили нарочно, хотели посмотреть, как я отреагирую. ладно тебе визжать, сказал дереза, сегодня он ещё тихо зевнул, вполголоса, а позавчера он так затрубил, что я уронил доску с фигурами. ничего ты не уронил, сказал фонсека, вылезая из-под одеяла. он, оказывается, очень молод, очень худ и очень взъерошен – и тоже в шёлковой пижаме. как я угадала! ну, не молодец ли я? ты просто проигрывал, сказал фонсека, и воспользовался мной. если б я не зевнул, ты бы выдумал что-нибудь другое. слон на эф семь, повторил дольский. да ну, сказал фонсека, что вы со своими шахматами, может, пулю распишем?..

...вчера дерезу выписали, а меня заранее не предупредили, просто позвонили после обеда и сказали, ваш муж ждёт в приёмном покое, можете забирать. ну, что это такое, вот как так можно, я, конечно, ещё накануне у него подмела, вымыла пол, постельное бельё сменила, вытряхнула окурки из пепельницы, мусор вынесла и со стола всё прибрала, но всё равно, если б я знала, что его выписывают, я бы ему хоть еды купила, молока, воды минеральной, геркулесовых хлопьев, бананов каких-нибудь, доктор сказал, можно бананы, и, может, что-нибудь из одежды, у него, я посмотрела в шкафу, только рваньё какое-то, а так у меня срочная работа не сдана, и ещё соседке понадобилось уехать на день, и она попросила меня присмотреть за её живностью, а у неё три собаки, маша, миша и харьков, кошки мурсела и порция, и попугай. а тут, значит, бросай всё и беги забирать дерезу, потому что его выписали без предупреждения. пришлось мне ловить такси и на такси ехать в больницу, а потом обратно домой, я решила, что пусть дереза у меня ночь перекантуется, а утром вернётся соседка, и я его отвезу к нему на квартиру. дереза не возражал, сказал, ему всё равно, ко мне так ко мне, только попросил по дороге остановиться у табачного киоска и купить ему сигарет. я говорю, каких тебе сигарет, доктор строго-настрога запретил, а он, ну, ты же меня знаешь, я курил и буду курить. это правда, когда мы познакомились, он уже выкуривал по две пачки в день, а это было тогда же, когда я в последний раз покупала молоко в бутылках, кажется, в очереди за молоком мы и познакомились...

19.06

...перевезла дерезу к нему домой. он вошёл, головой покрутил, о, говорит, чисто, проветрено, едой пахнет, сразу чувствуется женская рука, и на диван лёг. ты, говорит, не против, если я прилягу, что-то я устал. устал он, можно подумать. хотела бы я знать, от чего. он у меня дома вообще, можно сказать, не вставал, даже тарелку за собой не убрал, зато влюбил в себя милку, машу, мишу и харькова, они расселись вокруг него и глаз с него не сводили, а потом явились мурсела и порция и тоже прямиком к нему, прямо святой франциск с птицами. до соседкиных мне дела нет, пусть с ними соседка разбирается, а на милку я обиделась, я от неё такого не ожидала, то она минуты без меня прожить не может, а тут её даже не поманили, даже сыра украдкой со стола не дали, а просто дереза стал рассказывать, как они с фонсекой и дольским ходили в ординаторскую сигареты красть, и как дольский в своём халате в драконах стоял на шухере, и вот, пожалуйста, милка про меня забыла, сидит у ног дерезы и смотрит на него влюблёнными глазами, хотя тут ничего не поделаешь, дереза есть дереза...

01.07

...вчера не стало дерезы. он мне позвонил, попросил прийти, тихим таким, странным голосом, я вначале не хотела, из-за милки, она, когда я отвезла дерезу к нему домой, ещё неделю его искала, диван нюхала, у двери ждала, я один раз обняла её, стала утешать, а она как огрызнётся! в жизни она на меня не огрызалась. потом она, конечно, перестала тосковать, даже я перестала, а я с ним подольше была знакома, чем милка, и вот он звонит, и голос у него странный, и я хочу сказать, что приехать не могу,

у меня работа, а сама уже вызываю такси и сдираю домашнюю кофту.

такси пришло быстро, и пробок не было, но я всё равно опоздала, когда я приехала, дереза лежал на диване в шёлковой пижаме, которую я ему в больницу привезла, а рядом с диваном стояла бутылочка из-под коньяка, крохотная такая, фигурная, коллекционная. коньяк в ней, видать, был настоящий, не вода подкрашенная, потому что доктор при мне сказал, если хотите умереть, пейте, конечно, никто вас отговаривать не станет, и вот, пожалуйста, дереза выпил и умер, и никого не было рядом, чтобы его отговорить. я бутылочку с пола подняла, поискала крышечку от нее, она у дерезы в руке оказалась, не отнимать же, так что, я заткнула бутылочку платком, а дома растопила свечку и залепила горлышко парафином, надо бы сургучом, но где его взять, сургуч. дереза когда-то говорил мне, что в пустых бутылках заводятся духи бывших бражников, и наверняка, когда я вошла, его собственный дух сидел уже в бутылочке, и теперь он отсюда уже не выберется, только если я захочу его отпустить, а я не захочу, пусть не надеется...

ФОНСЕКИНЫ ШТАНЫ

...встать, сказал дольский, суд идёт, и все встали, кроме фонсеки, вставай, сказал мейрелес, суд идёт, я пострадавший, сказал фонсека, я буду сидеть, пострадавший тоже должен встать, сказал дольский, вставай, сказал перейра, а то дольский посадит тебя в кладовку за неуважение к суду. фонсека встал, но медленно, чтобы все видели, что он не согласен с тем, что пострадавший должен вставать, что это вы тут, спросила няня домна фёдоровна, входя в комнату, уходи, сказал дольский, у нас суд идёт, ты нам мешаешь, хорошо, сказала няня домна фёдоровна, а кто будет кексики с изюмом и лимонад, уходи, закричал дольский, никто не будет, а можно мне лучше апельсиновый сок, спросил мейрелес, можно, сказала няня домна фёдоровна, с сахаром? с сахаром, сказал мейрелес, без сахара, закричал перейра, тебе мама не разрешает, ему мама не разрешает, домна фёдоровна, а то он будет беситься, сам ты будешь беситься, сказал мейрелес, уходи, уходи, уходи, завизжал дольский и затопал ногами, ухожу, ухожу, сказала няня домна фёдоровна и вышла из комнаты, встать, суд идёт, сказал дольский, встали уже, сказал фонсека, а ты молчи, сказал перейра, ты сам молчи, сказал мейрелес, тишина в зале суда, свирепо сказал дольский, и все замолчали.

постояли.

можно сесть, спросил фонсека, я раненый, у меня нога болит, можно, сказал дольский, садись, а мы, спросил перейра, и вы, сказал дольский, и тоже сел с ногами в кресло.

так судьи не сидят, сказал мейрелес, и ладно, сказал дольский, приведите обвиняемого к присяге. никто не пошевелился. приведите обвиняемого к присяге, повторил дольский строго. а где тут присяга, спросил мейрелес. а где обвиняемый, спросил переира. обвиняемый вот, сказал дольский и показал пальцем на фонсеку, кто, я, возмутился фонсека, я пострадавший! да не ты, дурак, а твои штаны, сказал дольский, забыл, что ли, приведите обвиняемого к присяге, переира, приведи обвиняемого к присяге! я не могу, сказал переира, он на фонсеке надет, фонсека, сказал дольский, снимай штаны, мы должны привести их к присяге. и чего, сказал фонсека, я без штанов буду? свои приводи. пойдёшь в кладовку, сказал дольский, за неуважение к суду, не пойду, сказал фонсека, я пострадавший, тогда давай сюда штаны, сказал переира, свои давай, сказал фонсека, ах так, сказал дольский, в кладовку их обоих, за неуважение, сам вылез из кресла и потащил фонсеку за руку с дивана, пусти, кричал фонсека и вырывался, отстань, я пострадавший, но дольский и переира вытащили его из комнаты, а мейрелес подпихивал в спину. потом дольский, переира и мейрелес вернулись в комнату и расселись на своих местах. из коридора доносился стук, это фонсека пинал изнутри дверь кладовки.

помолчали.

ну, что, спросил мейрелес, может, в футбол, да ну, сказал переира, лучше в бассейн, нет уж, сказал дольский, мы же судить ещё не кончили. а как без фонсеки, спросил переира, а на что нам фонсека, спросил дольский, суд сейчас заслушает свидетеля и обвинителя и вынесет решение, ты у нас свидетель, я обвинитель, обиделся переира, мейрелес свидетель, ну, это всё равно, сказал дольский, давайте быстро, а потом в бассейн. ну, мейрелес. чего, спросил

мейрелес. ну, клянусь говорить правду и только правду. ну, клянусь говорить правду и только правду, повторил мейрелес, а теперь чего. а теперь свидетельствуй. что свидетельствовать, спросил мейрелес. ну, что наделали фонсекины штаны, ты свидетель вообще или не свидетель. я свидетель, сказал мейрелес, а фонсекины штаны цепляются и подвергают жизнь фонсеки опасности, вчера они зацепились за калитку, и фонсека упал, позавчера они зацепились за куст, и фонсека упал, на прошлой неделе они зацепились за гвоздь в заборе, и фонсека не успел убежать от няни домны фёдоровны и получил полотенцем, а потом всё равно упал и ещё раз получил. всё, спросил дольский. всё, сказал мейрелес и сел. теперь перейра, то есть обвинитель. перейра вскочил. обвинение считает, зачистил он, что штаны покушаются на фонсекину жизнь и достоинство, бедный фонсека из-за них весь раненый и отлупленный полотенцем. из коридора донёсся грохот, это фонсека всем телом бросился на дверь кладовки. перейра сел. и всё, спросил дольский, а сколько надо, спросил перейра. нет, ну, всё, значит, всё, сказал дольский, суд выслушал свидетеля мейрелеса и обвинителя перейру, а пострадавший фонсека сидит в кладовке за неуважение к суду, и в этом тоже виноваты штаны, вставил перейра, и в этом тоже виноваты штаны, повторил дольский. суд постановил фонсекины штаны наказывать путём отрезания, свидетель, чем он цеплялся, задним карманом и хлястиком, сказал мейрелес, путём отрезания заднего кармана и хлястика. перейра, приведи обвиняемого и пострадавшего, мейрелес, вот тебе ножницы, ты приведёшь в исполнение приговор. перейра вышел из комнаты. я лучше тоже хочу привести обвиняемого и пострадавшего, сказал мейрелес, а перейра пусть приводит приговор, ну, хорошо, сказал дольский. мейрелес тоже вышел из комнаты. дольский посидел в кресле, встал,

походил, выглянул в коридор. перейры и мейрелеса не было видно, грохот в кладовке прекратился. эй, позвал дольский, где вы там застряли? никто не ответил. ээээ-эй, закричал дольский, перейра, мейрелес, где вы? фонсека, куда ты делся? чего ты кричишь, спросила няня домна фёдоровна, входя в комнату, я не кричу, сказал дольский, у нас суд идёт. ааа, сказала няня домна фёдоровна, то-то весь твой суд на кухне ест кексики с изюмом. иди и ты поешь.